

СУДЬБА

— Тань, задам тебе самый пошлый и банальный вопрос: ты счастлива, дорогая?
 — Абсолютно. Беспредельно счастлива. Мне кажется, быть мамой и не быть счастливой — просто нереально.
 — Прости, сколько тебе лет?
 — 31.
 — Ну тогда ты можешь еще рожать и быть еще счастливей.
 — Я очень надеюсь. Если Бог даст, с удовольствием еще парочку детишек хотела бы родить. Вот сейчас натренируюсь на Луку...
 — Лука — это библейские мотивы?
 — И библейские мотивы, и прадед его был Лукой.
 — Ты свою родословную так хорошо знаешь?
 — Нет, дальше своего прадеда не знаю.
 — И кто был твой прадед?
 — Большой человек в Донбассе, между прочим. Его звали Василий Прохоров. Он с Хрущевым вместе учился в среднем учебном заведении и был лауреатом Сталинской премии. Когда немцы пришли в Донбасс и затопили шахты, прадед изобрел технологию, по которой эти шахты осушили после войны. Он был главным технологом всего Донецкого угольного бассейна. И большим партийным деятелем, убежденным коммунистом. А дед мой по маме был заслуженным сталеваром, а по папе — коммерсантом. Коммерсантом и настоящим мужчиной. Я его плохо помню, он умер, когда я была маленькая, поэтому сужу по рассказам.
 — А что такое настоящий мужчина?
 — Мужик с большой буквы.
 — Ты в жизни встречала таких?
 — В своей личной жизни не встречала.
 — А искала?
 — Не могу сказать, чтобы так уж целенаправленно искала. Наверное, сейчас ищу.
 — Прости, но у Луки же есть папа! Он настоящий мужчина?
 — Он просто есть, и все. Мы с ним, к сожалению, не общаемся.
 — Он приходит к ребенку?
 — Нет. Так получилось, что мы не общаемся вообще.
 — И не придет?
 — Я не знаю. Но я не хочу о нем говорить подробно. Он не имеет никакого отношения к шоу-бизнесу. Его жизнь течет сама по себе.
 — Ты к нему как сейчас относишься? Никак?
 — Я к нему отношусь с ужасной благодарностью и с большим пиететом. Как я к нему могу относиться, ведь у меня такое чудо растет?
 — Ты великодушна по жизни?
 — Не знаю. Да нет, не великодушная. Я православный человек, поэтому стараюсь руководствоваться в своей жизни простыми христианскими понятиями.
 — Шоу-бизнес и православная вера совместимы?
 — Это не надо совмещать. Шоу-бизнес — понятие очень дискредитированное. В этой сфере есть немало верующих и по-настоящему хороших и правильных православных людей. И точно так же полно подлецов в какой-нибудь медицине, которая вроде бы не такая эфемерная деятельность, как шоу-бизнес. Конечно, я живу в миру, и, притом что я воцерковленный человек, я не могу назвать себя праведницей, разумеется. Я не соблюдаю абсолютно всех постов и всех правил церковных, но по мере сил своих я стараюсь этого каким-то образом придерживаться.
 — А заповеди стараешься соблюдать?
 — Как раз заповеди соблюдать просто, потому что мне никогда не хотелось ни убить, ни украсть. И даже не могу вспомнить, когда бы я возжелала мужа какой-нибудь другой женщины. С прелюбодейством тоже давно уже не сталкивалась.
 — То есть чем старше ты становишься...
 — ...тем больше я понимаю, и тем больше мне хочется жить по этим правилам, потому что это самое простое на самом деле. И в этом самая большая свобода, внутренняя свобода. Эти правила не сковывают тебя, а наоборот, освобождают от лишней эмоций. Когда у тебя есть вопросы, проблемы, ты всегда знаешь, куда пойти с ними и к кому обратиться.
 — Ты ходишь к батюшке?
 — Да, а через батюшку — к Богу. Мне повезло, у меня есть духовник, который во многом меня вывел в какие-то правильные направления.
 — Сейчас ты живешь в ладу с собой и в гармонии?
 — Я стараюсь, да. Скажем так, моя семейная ситуация мало способствует тому, чтобы жить в абсолютной гармонии.
 — Почему?
 — Потому что у ребенка должен быть отец.
 — Но это не твоя вина.
 — Это моя вина в том числе. В такой ситуации всегда виноваты оба. Но в остальном, конечно, я счастливая женщина. Мне очень везет.
 — Но все меняется, и жизнь течет, и может быть, у твоего ребенка появится другой папа?
 — Но у ребенка сейчас столько вокруг любящих людей, он такой зацелованный, заласканный и залюбленный, что я надеюсь, он не испытывает недостатка в общении и внимании.
 — Но так вырастают эгоисты.
 — Нет, это все неправда. Это придумал глупый доктор Спок, которого дети сдали в дом престарелых на старости лет. Маленьких детей нужно заласкивать, зацеловывать. У нас очень мало времени на то, чтобы с ними находиться в такой тесной связи и в такой большой любви. Потому что потом они вырастают, у них включается понятие "я сам" — и все. А сейчас, пока они всецело в тебе нуждаются, надо дать им просто максимум того, на что ты способен. И это все неправда, что если ребенка носить в руках, то не будет слезать с рук; это неправда, что, если с ребенком все время спать, потом невозможно его приучить к своей кровати. Ребенок, который получает полноценное родительское внимание и ласку, не может вырасти эгоистом, потому что родители учатся чужести в общении с детьми, а ребенок учится

У Тютты Ларсен мальчик. Ему три месяца. Она старается не показывать его чужим людям, боится спугнуть свое счастье. И правильно делает. Несколько лет назад она пережила трагедию: ее ребенок умер сразу после родов. Нынче Таня Романенко (а именно так по-настоящему зовут нашу героиню) живет своим сыночком Лукой. Как ни позвонишь ей: "Ой, ой, извини, сейчас не могу, Люка кормить надо". Наконец мы встретились, сели на скамечке у ее подъезда. Неподдалеку Луку выгуливала бабушка. Но он все время плакал, и Таня стремглав бросалась его укачивать.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

Тюття ЛАРСЕН:
 "Самая большая радость — когда у сына хорошие какашки"

тому, что он личность и что он кому-то нужен в этом мире, что его потребности удовлетворяются, что ему не нужно проявлять агрессию и что ему не нужно орать, чтобы его заметили. Он просто вырастает уверенным в себе человеком. Мне кажется, эгоизм — это совсем из другой оперы. Нельзя заласкать человека до эгоизма. По-моему, эгоизм — это результат какого-то невнимания родителей к ребенку. Это когда родительское внимание заменяется какими-то тряпками, деньгами, чем-то еще. Меня просто холили-лелеяли всей семьей. Я была первой внучкой и первым ребенком. И бабушки-дедушки, и мама с папой, и какие-то тетушки-дядюшки до семи лет меня просто облизывали, носили на руках. И в результате, мне кажется, получилась достаточно интересная личность.
 — Может, эгоизм — это не так уж и плохо для сегодняшней жизни?
 — Нет. Знать себе цену и уметь за себя постоять, опять же, может только человек, которого в детстве признавали личностью полноценной, которого не лишали внимания и ласки. Это не эгоизм, это чувство собственного достоинства.
 — А ты знаешь себе цену?
 — В чем ты хочешь, чтобы я это оценила?
 — Не в долларах, наверно.
 — Я все бежала, чего-то искала, куда-то ломилась, металась. А сейчас мне спокойно. У меня есть реальные заботы, реальные дела, и мне не нужно больше воспитывать чужих сыновей, потому что у меня есть свой.
 — Ты воспитывала чужих сыновей?

— До этого мои отношения с мужчинами, как правило, строились именно по такой схеме.
 — Я не понял. Ты воспитывала их детей?
 — Нет, они сами были детьми. И мне кажется ненормальным воспитывать чужих взрослых детей, которые должны уже были бы жить в совершенно ином качестве.
 — А почему тебе попадались именно такие мужчины?
 — Наверное, я себя так вела и других мужчин не заслуживала.
 — Ты была замужем за Галстяном 8 лет. Как тебе это время? Просто опыт?
 — Это были очень серьезные и долгие отношения, которые довольно печально закончились — потерей ребенка и полнейшим отчуждением. Но это был очень хороший опыт. Потому что иначе меня бы не было такой, какая я есть сейчас. Такой спокойной и вполне самодостаточной.
 — А что должно было случиться у тебя с Галстяном, чтобы ты так себя внутренне перевернула?
 — Ничего не случилось, просто кончились чувства, отношения исчерпались. Мы были очень молодыми, когда встретились. Он был моим первым мужчиной. Сначала все было очень мило и иваново, а потом началась взрослая жизнь, и мы в ней как-то не состыковались.
 — И ты опять винишь в этом себя?

— А как иначе? Это отношения двух людей.
 — Сейчас ты с ним не общаешься?
 — Нет, у меня нет такой потребности, у него, видимо, тоже. Мы расстались абсолютно чужими людьми и все сказали, что могли друг другу сказать. Для меня это настолько закрытая страница, что я иногда пытаюсь вспомнить какие-то подробности и не могу.
 — И ничего хорошего, светлого не было?
 — Нет, почему? Как раз хорошего, светлого достаточно много, и общее ощущение осталось вполне адекватное. Когда родился мой сын, я перестала вообще обижаться. У меня кончились обиды на людей, на мужчин. Как-то все это стало совсем не важно. Я им всем благодарна за то, что они были в моей жизни и каждый из них вложил какой-то кирпичик в то, что я сейчас собой представляю. Каждый преподал мне какой-то урок.
 — У тебя много было мужчин?
 — Были, но ни про кого конкретно я говорить не буду. Это же совершенно никому не интересно, если я скажу, что этот был козел, а этот кобель, тот слабак, а тот алкоголик.
 — А я тебя и не прошу так говорить. Скажи: вот этот был классный мужик.
 — Они все были классные и все в какой-то момент подарили мне счастье, какие-то чудесные эмоции и оставили следы в моей жизни.
 — Тань, прости еще раз. Ты потеряла ребенка. Почему это произошло?
 — Я думаю, что мы просто не заслужили ребенка. Мы неправильно жили, зачали его не в любви. Может быть, из-за этого. Мы просто не ждали так, как нужно ждать ребенка.
 — А по медицинским показателям?
 — У ребенка был несовместимый с жизнью порок сердца.
 — Я помню, ты была на телевидении беременная, твой большой живот во весь экран...
 — Не я первая, не я последняя. Деми Мур голая снималась на обложке журнала, и Памела Андерсон тоже снималась беременной. Маша Макарова с огромным пузом скакала по сцене Кремлевского дворца на концерте 20-летия группы "Браво". Когда ты делишься своей радостью, своей любовью, предвкушением — здесь ничего плохого нет. Я думаю, дело в другом. Просто мы ничего этому ребенку не смогли бы дать, поэтому он решил не появляться на свет.
 — А твои чувства при этом? Ты подумала: я не заслужила, но так тому и быть, и философски отстранилась от того, что произошло?
 — Какие могли быть у меня чувства, как ты думаешь? Я чуть не сохла. Я целый год сильно болела, у меня были очень серьезные проблемы с психикой и чудовищная депрессия. Я реально умирала. Слава богу, нашлись добрые люди. Мне встретилось невероятное количество хороших и правильных врачей. В итоге в мою жизнь пришел учитель, потом появился духовник. И все встало на места.
 — Как часто ты ходишь к духовнику?
 — Гораздо реже, чем надо, к сожалению. Когда я была беременная, ходила каждую неделю причащаться. Сейчас стало сложнее, потому что мой храм не рядом с домом, туда надо ехать, а я — кормящая мама.
 — А эти роды как у тебя прошли?
 — У меня была идеальная беременность, я рожала сама, без анестезии, без всяких проблем, за пять часов. Хрестоматия. Когда Лука родился, мне положили его на живот, и он не орал, а начал жаловаться, рассказывать мне что-то свое. Глубину этих чувств невозможно передать словами. В первые месяцы его жизни мне было очень страшно, потому что я не понимала вообще, как мне вынести эту любовь, как выдержать это страшное время просто нереального чувства, которое тебя парализует. Ты не способен ничего делать, не можешь здраво мыслить, выйти на улицу, спокойно спать. Тебя настолько распирает и переполняет, ведь жить с этим невозможно.
 — Я не слышал, чтобы кто-то еще так говорил о своем ребенке, как ты.
 — Может, никто так это не определяет. В поликлинике мне врачи жалуются: "Сейчас девушки не кормят, сваливают детей на нянь". Не знаю, вокруг меня все мамы сумасшедшие. Все кормят подолгу, и все сходит с ума по своим детям, даже если у них есть работа и няня.
 — Ночью Лука дает тебе спать?
 — По-разному. Но всю ночь, слава Богу, он не плачет. Первый месяц его жизни, конечно, было трудно. Мальчики есть мальчики. Но он абсолютно обыкновенный младенец, такой же, как все, с болями в животике, с этими болезненными пропукиваниями. Самая большая радость, когда у него хорошие какашки.
 — В самом начале, спрашивая, счастлива ли ты, я думал, что задаю глупый и пошлый вопрос. А теперь понимаю, что попал в самую точку. Ты просто светишься изнутри.
 — Я понимаю, зачем живу. Получила один ответ на все вопросы, которые у меня до этого были. Ушла суета. Какие-то все мои попрыгушки, переживания, проблемы остались в другой жизни.
 — А что у тебя была за другая жизнь? Помнишь, как Пушкин писал: "И с отвращением читая жизнь мою... Но строк печальных не смываю..."?
 — Я приблизительно так же.
 — С отвращением?
 — Нет, без отвращения, но с неким изумлением. Я очень много времени тратила не на тех людей, на переживания по совершенно незначительным поводам. И это тоже опыт. Ведь если бы я их не потратила впустую, я бы этого не поняла.
 — Это что — была какая-то загульная жизнь?
 — Нет, не загульная, но какие-то глупые были приоритеты: выглядеть как-то, зарабатывать столько-то, мужчину строить. Куда-то успеть, чего-то урвать, кого-то оставить с носом. А теперь мне стало понятно, зачем я есть. Можно сказать, что только сейчас, когда у меня появился в жизни любимый мужчина, мой Лука, я себя чувствую женщиной на все сто.
 Александр МЕЛЬМАН.

АНДРЕЙ ЗАРЯБЕВ

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО